

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

ПОСЛѢДНІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СЕВАСТОПОЛЬ.

Очерки изъ обороны Севастополя.

СОСТАВИЛА

Клавдія Лукашевичъ.

Цѣна 3 коп.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

ПОСЛѢДНІЙ ВЗГЛЯДЪ
НА СЕВАСТОПОЛЬ.

(Очерки изъ обороны Севастополя 1854—1855 года.)

СОСТАВИЛА
Клавдія Лукашевичъ.

Отдѣл. тип. Т-ва И. Д. Сытина, Петровка, домъ Обидиной.
Москва—1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 ноября 1903 г.

I.

Оставленіе Севастополя.

Въ четыре часа дня 27 августа 1855 года начальники войскъ оборонительной линіи получили диспозицію выступленія изъ Севастополя.

Приготовленія къ отступленію закипѣли. Все, что возможно, отсылалось за бухту. Пароходы, баркасы, лодки ходили безостановочно, несмотря на яростную бомбардировку.

На всѣхъ бастіонахъ и батареяхъ оставались охотники, которые должны были поддерживать огонь, чтобы замаскировать отступленіе.

Въ семь часовъ по мосту началось знаменитое отступленіе войскъ, подобнаго которому не найдется въ исторіи борьбы народовъ.

Главнокомандующій князь Горчаковъ доносилъ государю императору по телеграфу:

„27 августа, въ 10 часовъ пополудни. Войска Вашего Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было невозможно. Войска переходятъ на Сѣверную сторону, отбивъ окончательно 27 августа шесть приступовъ изъ числа семи, поведенныхъ непріятелемъ на Западную и Корабельную стороны, только изъ одного Корнилова бастіона не было возможности его выбить. Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины".

Смеркалось. Зловѣщій вѣтеръ съ моря застилалъ туманомъ небо, когда солдаты по-ротно отступали съ бастіоновъ, зажигая за собою на пути все встрѣчавшееся.

Молча становились въ строй солдаты, крестились на четыре стороны, прощались съ бастіономъ, бѣгали въ блиндажи.

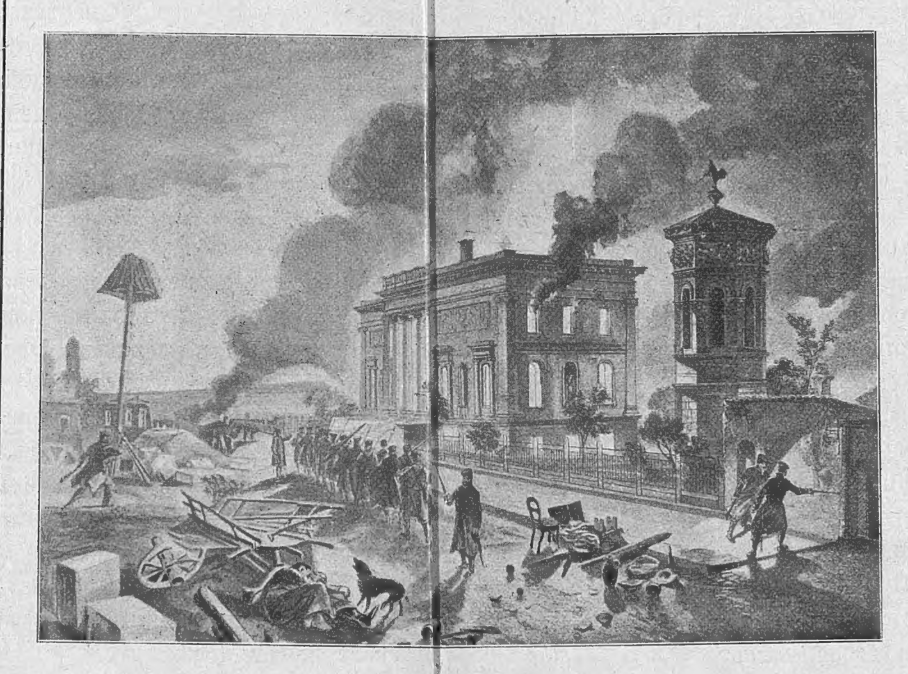
Выстроившись въ траншеяхъ, они тихо двигались, какъ погребальная процессія, неся въ груди неотвязную печаль, горе, скорбь...

Изрѣдка незаклепанныя орудія отрывисто стонали въ сторону непріятеля, будто посылая ему свои немощныя проклятія. Онъ же, какъ бы издѣваясь надъ ними, пускалъ вслѣдъ бомбы, ракеты, жеребцовъ.

Безжалостно предавался Севастополь всесожженію. Все, что ни попадалось въ домахъ подъ усердную руку „честныхъ поджигателей": мебель, зеркала, уцѣлѣвшія отъ бомбъ, мраморныя статуи—все коверкалось топоромъ, киркой, мотыгой, и на роскошныхъ паркетныхъ полахъ раскладывались костры, отъ которыхъ занимались зданія.

Товарные склады мѣстныхъ торговцевъ, подвалы, винные погреба — все было предано сожженію.

У моста была невообразимая давка. Толпились женщины съ узлами на плечахъ, дѣти, раненые, повозки, солдаты.

Оставленіе Сева[illegible]я. Пожаръ библіотеки.

Всѣ стремились къ одной цѣли — попасть скорѣе на мостъ.

— Дай дорогу! Дай дорогу!—надрывался что есть мочи фурштатъ, управлявшій тройкой лошадей.

— Батюшки свѣты! Ой, задавите, православные... Душу человѣческую пожалѣйте! Пропустите! Пропустите!—вопила какая-то старуха съ огромнымъ узломъ за плечами.

— Арина, Арина, куда запропастилась, угорѣлая?.. Аль ребятъ на француза покинешь?.. — раздавался визгливый женскій голосъ.

— Чаво ты раскудахталась?.. Знаю безъ тебя!—отзывалась изъ-подъ тяжелой корзины женщина, стоя надъ самымъ берегомъ бухты.

— Иди, что ль, скорѣй! Охъ, тошнехонько. Пришелъ намъ послѣдній часъ!

Баба съ корзиной хотѣла ступить на мостъ, но при напорѣ массы людей оступилась и ухнула въ воду бухты, не успѣвъ даже и крикнуть. Товарка ея неистово взвизгнула, а сосѣдніе съ ней

солдаты мигомъ выхватили женщину изъ воды вмѣстѣ съ ея грузомъ и нравоучительно проговорили:

— Эхъ ты, тетка... Чего лѣзешь, куда не слѣдъ! Чтобъ тебя...

— Ой, служивые... Ой, родные... Спаси васъ Христосъ... Перепугалась до полусмертушки... — причитала баба растерянно, двигаясь вся мокрая по мосту.

— Носилкамъ дорогу! Говорятъ вамъ! Носилкамъ... — слышался могучій голосъ.

Ряды тѣснились, сжимались и безропотно пропускали раненыхъ.

Двое офицеровъ протискивались обратно. Одинъ былъ сумрачный капитанъ съ длинными усами и сморщеннымъ сердитымъ лбомъ. Онъ подошелъ къ кучкѣ солдатъ и, отозвавъ двоихъ въ сторону, тихо проговорилъ, какъ-то конфузливо:

— Сбѣгайте, ребята, на бастіонъ... Отблагодарю. Такое огорченіе... Въ суматохѣ того, забылъ... Знаете, голубей...

Того... моихъ... Такіе бѣленькіе... Не могу... Жаль...

— Рады стараться, ваше благородіе. Какъ не знать голубковъ... Живо предоставимъ.

Солдаты-охотники живо помчались. А капитанъ съ угрюмымъ видомъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ.

По суровому виду закаленнаго въ бою защитника-воина никакъ нельзя было думать, что его можетъ такъ безпокоить участь голубей, оставленныхъ гдѣ-то на бастіонѣ въ блиндажѣ. Два бѣленькихъ, какъ снѣгъ, голубка были вскорѣ принесены солдатами, и угрюмое лицо капитана со сдвинутыми бровями и съ огромными щетинистыми усами озарилось улыбкой.

Давка на мосту продолжалась. Уже наступила ночь. Картина ежеминутно измѣняла свой видъ, являясь изумленнымъ взорамъ въ поразительномъ величіи.

На морскомъ берегу, посреди нагроможденныхъ камней, полуразрушенныхъ

зданій и развалинъ двигались мрачныя тѣни людей. То были толпы въ изорванныхъ одеждахъ, въ грязи, закоптѣлые въ боевомъ дыму. Одни едва брели, чуть не падая подъ тяжестью оружія; другіе несли мертвыхъ; третьи тащили изможденныхъ страдальцевъ съ оторванными членами, облитыхъ кровью; иные везли на рукахъ тяжелыя пушки. Тутъ же, на узкомъ проходѣ моста, нѣсколько человѣкъ возились около орудія: они отрѣзали постромки у лошадей и, молча, пасмурно, перекрестясь, столкнули орудіе въ море: будто похоронили дорогого товарища.

Всѣ удручены, всѣхъ гнететъ тайное горе, нерадостныя думы.

Вдругъ раздается страшный трескъ гдѣ-то вблизи... Всѣ дрожатъ и крестятся. Гремятъ громы небесные, огненныя дуги бороздятъ небо. Звѣзды падаютъ букетомъ. Край мрачнаго горизонта покрывается кровавой пеленой. Точно загорѣлась вселенная или настала кончина всего.

Потекли огненныя рѣки, расплавилась земля и краснымъ потокомъ поднялась къ небесамъ, медленно, величественно, ужасно, охватывая все большую и большую часть неба, наконецъ, будто воспламенивъ все окрестное пространство.

Это былъ взрывъ второго бастіона.

Между тѣмъ, въ бухтѣ стонали, скрипѣли и раскачивались огромныя суда. Шумъ, трескъ, крики, стукотня, и послѣдніе герои Черноморскаго флота медленно, тихо шли ко дну, чтобы не достаться непріятелю, затопленные родной рукой.

Души моряковъ - зрителей терзались жалостью.

Едва сталъ потухать огонь перваго взрыва, какъ снова раздался тотъ же страшный громъ и потекла другая огненная рѣка: совершился взрывъ перваго бастіона.

Итакъ, до разсвѣта произошло 35 взрывовъ.

Пожаръ мало-по-малу охватилъ весь городъ. Темная ночь ярко освѣщалась заревомъ. Сильный вѣтеръ раздувалъ огонь, переносилъ его съ однѣхъ развалинъ на другія. Волны выли и плескались о берега. Скоро все слилось въ одну общую массу пламени и дыма, посреди которыхъ слышались трескъ и громъ взрывовъ и свистъ вѣтра. Вдругъ въ огнѣ блеснетъ пламя еще ярче и какъ молнія освѣтитъ всю окрестность. Это, значитъ, взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребъ или погребъ съ ядрами, гранатами, бомбами.

Багровымъ пламенемъ занималось все небо и начались послѣдніе вздохи многострадальнаго Севастополя.

Союзники, утвердившись на Малаховомъ курганѣ, дальше не двигались. Они боялись взрывовъ. Изрѣдка посылали они бомбы и снаряды. „Русскіе все сжигаютъ, когда уходятъ", говорили они, вспоминая московскій пожаръ 1812 г.

Пловучій мостъ, покрытый сплошь людьми, качался подъ тяжестью народа и обозовъ.

Перебравшись на Сѣверную, каждый оборачивался назадъ, чтобъ еще разъ взглянуть на Севастополь. Многіе крестились, плакали, становились на колѣни... Севастополь пылалъ и разрушался. Горѣла библіотека, соборъ, казармы, дома. Ярче всѣхъ горѣлъ кранъ, поставившій на своемъ вѣку столько мачтъ на корабляхъ славнаго Черноморскаго флота.

Переправа кончилась. Отплыли послѣдніе пароходы. А по мосту въ хвостѣ Тобольскаго полка перешли графъ Сакенъ, князь Васильчиковъ и генералъ Хрущевъ.

Стоявшій на мосту строитель Бухмейеръ, увидавъ генерала Хрущева, проговорилъ:

— Вы заключаете шествіе... Вы послѣдняя точка... Я теперь развожу мостъ.

Стали быстро разводить мостъ. Заскрипѣли, затрещали плоты... Обрывались послѣднія нити, связывавшія Сѣверную и Южную стороны.

Въ покинутомъ городѣ оставалась еще горсть смѣльчаковъ-солдатъ. Да на площади Николаевской батареи стоялъ князь Горчаковъ съ начальникомъ штаба генераломъ Коцебу. Что они думали, что они чувствовали, переживали—всякій пойметъ.

— Я подожду, пока мостъ уничтожатъ,—проговорилъ князь Горчаковъ.

Когда отошли первые плоты отъ южнаго рейда, князь Горчаковъ сѣлъ на Графской пристани на катеръ и отправился на Сѣверную сторону.

Севастополь былъ добровольно оставленъ. Но севастопольцы, отступивъ, покрыли себя неувядаемой, безсмертной славой. Всѣ враги отдали должное героямъ и признали ихъ лучезарную славу.

Самъ государь императоръ Александръ II оцѣнилъ высокимъ внима-

ніемъ заслуги богатырей-севастопольцевъ и увѣковѣчилъ ихъ славу слѣдующимъ приказомъ по арміи и флоту, гдѣ, между прочимъ, говорилось:

„Долговременная, едва ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ Севастополя оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ земли, и каждое изъ дѣйствій его ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. „Но есть невозможное и для героевъ". Скорбя душой о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву отечеству и съ благоговѣніемъ покорясь судьбѣ Всевышняго, Коему не угодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, Я признаю святою для себя обя-

занностью изъявить и въ семъ случаѣ отъ имени Моего и всей Россіи живѣйшую признательность гарнизону Севастополя за неутомимые труды его, за кровь, пролитую имъ въ сей почти цѣлый годъ продолжавшейся защитѣ сооруженныхъ имъ же въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей. „Имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ“.

II.

Государь императоръ въ Крыму.

«Война молчитъ и жертвъ не просить;
Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ-герой! Въ борьбѣ суровой
Ты не шагнулся до конца;
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!“

Некрасовъ.

Нѣсколько дней горѣлъ Севастополь. Только къ тридцатому августа стали понемногу утихать пожары и взрывы. Союзники, занявшіе Малаховъ курганъ и Корабельную сторону, не рѣшались первые дни заглядывать въ городъ. Онъ представлялъ изъ себя пустыню и груды развалинъ.

При занятіи Севастополя союзники нашли тамъ около 4.000 пушекъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не могли увезти наши войска, 600.000 ядеръ, бомбъ и и картечи, 630.000 патроновъ и около 16.000 пудовъ пороха. Этимъ порохомъ

они взорвали наши замѣчательныя сооруженія—сухіе доки, нашу гордость и украшеніе.

Доки эти находились въ концѣ Корабельной бухты. Въ камнѣ изсѣченъ былъ бассейнъ, въ 400 футовъ длины, въ 300 ширины и 24 фута глубины. Для поправки разнаго ранга кораблей сдѣлано было пять отдѣльныхъ доковъ, отдѣлявшихся шлюзами. Три главныхъ шлюза были въ 58 футовъ ширины. Вода въ доки проведена была изъ Черной рѣчки.

Постройка этихъ замѣчательныхъ доковъ стоила болѣе пяти милліоновъ рублей.

Разгуливая по городу, побѣдители уничтожили и испортили все болѣе дорогое и цѣнное. Но они не захотѣли устроиться въ Севастополѣ, а остались на своихъ прежнихъ бивакахъ, оставивъ въ Севастополѣ нѣсколько батальоновъ.

Съ отступленіемъ нашихъ войскъ на Сѣверную сторону и съ занятіемъ союзниками развалинъ Севастополя обѣ вою-

ющія стороны стали укрѣпляться на новыхъ мѣстахъ. Какъ мы, такъ и союзники строили новыя укрѣпленія и батареи, изрѣдка поддерживали перестрѣлку.

Между тѣмъ, шли переговоры о мирѣ.

Въ это время славная армія была обрадована пролетѣвшимъ по ея рядамъ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи въ Крымъ государя императора Александра II.

Непріятель въ это время намѣревался двинуться со своимъ флотомъ и осадить Николаевъ.

Въ Николаевъ прибылъ государь императоръ и лично слѣдилъ за ходомъ оборонительныхъ работъ, городъ энергично и быстро укрѣплялся.

Высокое, неоцѣненное вниманіе высказывалъ государь на каждомъ шагу Крымской арміи. Ежедневно посѣщалъ онъ госпитали и лазареты, какъ отецъ заботился о раненыхъ и больныхъ воинахъ, награждалъ отличившихся, и никому не было отказа въ просьбахъ. Желая видѣть поскорѣе войска славной

арміи, государь приказалъ всѣ морскіе экипажи и нѣкоторые полки двинуть въ Николаевъ. И не было самой маленькой команды, къ которой самъ царь не выѣзжалъ бы навстрѣчу, при вступленіи въ городъ. Это были трогательныя, незабвенныя минуты. Государь встрѣчалъ со слезами на глазахъ защитниковъ Севастополя. Необыкновенно милостивыми, задушевными словами онъ благодарилъ войска за ихъ славную службу престолу и отечеству. Въѣзжая въ средину рядовъ, государь разговаривалъ и ласкалъ почти каждаго солдата, каждаго матроса.

28 октября государь, въ сопровожденіи великихъ князей-севастопольцевъ и огромной свиты, посѣтилъ Крымскую армію. Императоръ, прежде всего, проѣхалъ въ Бахчисарай.

Въ два часа дня колокольный звонъ бахчисарайской церкви и радостные крики собравшейся толпы народа возвѣстили о прибытіи государя. У входа въ церковь государь встрѣченъ былъ

духовенствомъ съ крестомъ и святой водой.

Изъ Бахчисарая его величество изволилъ выѣхать для смотра десятой дивизіи.

Войска, только что пришедшія изъ Севастополя, ожидали государя.

— Я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть мою храбрую Крымскую армію!—воскликнулъ растроганнымъ голосомъ государь.

Неумолчнымъ, перекатнымъ крикомъ раздалось восторженное „ура!“

Государь пронесся по рядамъ и, остановясь посреди войскъ, махнулъ рукой. Музыка и крики восторга замолкли.

— Благодарю, ребята, за службу!—воскликнулъ царственный полководецъ.—Благодарю! Именемъ покойнаго государя, именемъ отца моего и вашего... Благодарю васъ.

— Ура! Ура!—загремѣло снова.

Государь продолжалъ со слезами на глазахъ:

— Я счастливъ, что имѣю возможность лично благодарить васъ за вашу

геройскую службу. Давно это было моимъ желаніемъ!

Не пересказать словами, что произошло послѣ этихъ словъ. Крики восторга, благодарности и готовности умереть.

Государь сошелъ съ лошади и пошелъ по батальонамъ.

Много сердечныхъ словъ участія, вниманія, благодарности было произнесено милостивымъ царемъ.

Подойдя къ Камчатскому полку и замѣтивъ, что въ строю всего одинъ батальонъ, государь спросилъ о причинѣ.

Командующій полкомъ отвѣтилъ, что другой батальонъ на аванпостахъ.

Его величество произнесъ громкимъ голосомъ:

— Одинъ батальонъ камчатцевъ стоитъ четырехъ.

Осчастливленные камчатцы отвѣчали радостными криками.

„Тутъ же его величество изволилъ замѣтить подъ знаменемъ двоихъ унтеръ-офицеровъ,—пишетъ очевидецъ:—одинъ былъ старикъ, другой—молодой. Высо-

ченнаго роста, съ георгіевскими крестами, съ французскими саблями у пояса, вмѣсто тесаковъ, и съ пистолетами за поясомъ, эти богатыри были какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга".

— Какъ фамилія?—спросилъ ихъ государь.

— Михайловы. Отецъ и сынъ, ваше величество,—въ голосъ отвѣтили унтеръ-офицеры.

— Отчего вы такъ вооружены?—снова спросилъ императоръ.

— Намъ пожалованы сабли княземъ Васильчиковымъ за храбрость нашу,—отвѣчали Михайловы.

— Вы волонтеры?—опять спросилъ государь.

— Такъ точно, ваше величество. Мы добровольно пришли изъ новгородскихъ поселеній въ Севастополь, желая умереть за ваше величество и за вѣру православную.

— Спасибо вамъ, ребята, за хорошій примѣръ!—сказалъ императоръ.—Спа-

сибо вамъ! Не забуду васъ. Приходите ко мнѣ въ Петербургъ.

— Благодаримъ покорно, ваше величество,—отвѣчали молодцы.

Великіе князья удостоили особеннаго вниманія Михайловыхъ, разсматривали ихъ сабли, пистолеты, разспрашивали о послѣднемъ штурмѣ, въ которомъ оба героя принимали участіе и оба были легко ранены и не вышли изъ строя.

Послѣ церемоніальнаго марша государь вызвалъ всѣхъ офицеровъ и сказалъ:

— Благодарю васъ за то, что вы всегда впереди!

— Не пощадимъ себя, государь!—кричали со всѣхъ сторонъ офицеры.

Затѣмъ императоръ обращался ко всѣмъ начальникамъ и для всѣхъ находилъ милостивое слово.

— Благодарю тебя за третій бастіонъ,—сказалъ государь генералу Павлову и протянулъ ему руку.

Осмотрѣвъ войска, расположенныя на Алмѣ, Качѣ, Бельбекѣ и въ Байдарской

долинѣ, государь со всѣми говорилъ ласково, милостиво всѣхъ благодарилъ. Онъ принялъ отъ офицеровъ ихъ скромное угощеніе — завтракъ, и всѣ были такъ счастливы. Казалось, что отецъ находится между своими дѣтьми.

По отъѣздѣ изъ Крыма, государь осчастливилъ войска новымъ милостивымъ приказомъ и установилъ медаль.

„Въ память знаменитой и славной обороны Севастополя, я установилъ для войскъ, защищающихъ укрѣпленія, серебряную медаль на георгіевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ. Да будетъ знакъ этотъ свидѣтельствовать о заслугахъ каждаго и вселять въ будущихъ сослуживцахъ вашихъ то высокое понятіе о долгѣ и чести, которое составляетъ непоколебимую опору престола и отечества“.

III.

Окончаніе войны.

Въ началѣ 1856 года начались мирные переговоры. Заключено было перемиріе.

Долина Черной рѣки ожила послѣ заключенія перемирія. Вездѣ виднѣлись красные мундиры, англійскіе, французскіе, и наши родныя сѣрыя шинели.

Французы, англичане и наши солдаты сходились въ долинѣ Черной рѣки и мгновенно заводили знакомство, смѣялись, тараторили, мѣнялись деньгами, кольцами, различными мелкими вещами. Союзниковъ занимали наши деньги: каждый хотѣлъ имѣть на память о Россіи монету. Нашихъ же солдатиковъ болѣе занимали какая-нибудь уморительная глиняная трубка въ видѣ головы, въ исторической шляпѣ, или бѣленькая носогрѣйка (извѣстное издѣліе сентъ-омерскихъ фабрикъ, десятками милліоновъ

въ годъ расходившееся по бѣлому свѣту).

По всей долинѣ бродили охотники: дичи было множество и поминутно раздавались выстрѣлы. Вотъ упала убитая утка въ нашу сторону; услужливый русскій солдатикъ тотчасъ отыскалъ ее и перебросилъ убившему, показывая при этомъ разные любезные жесты и говоря на французскомъ языкѣ собственнаго изобрѣтенія.

Толпы французовъ и англичанъ гуляли по берегу, высматривая русскихъ и все русское. Въ этихъ толпахъ бродили сотни корреспондентовъ разныхъ газетъ, подмѣчая каждый шагъ, улавливая всякую фразу, изучая всякое движеніе.

Многіе пріѣзжали сюда верхомъ, въ одноколкахъ и въ другихъ экипажахъ.

Лишь только остановятся и перекинутся словечкомъ французъ и русскій, сейчасъ около нихъ соберется толпа. Всѣ такъ любезны, вѣжливы.

18 марта 1856 года были подписаны въ Парижѣ мирныя условія. Послѣ ужас-

ной кровопролитной войны миръ принятъ былъ съ восторгомъ.

Союзники обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга и не мало выпивали.

Въ Камышѣ загремѣли выстрѣлы съ флота, и на корабляхъ развѣвались флаги французскіе, англійскіе, турецкіе, сардинскіе и даже русскіе. Салютовала артиллерія, гремѣли выстрѣлы повсюду.

Союзники положительно наводняли русскій лагерь: приходили толпами, чуть ли не цѣлыми полками, конечно, безъ оружія, лѣзли къ русскимъ съ любезностями, звали къ себѣ. Приходилось ихъ угощать.

Тяжело было вернуться русскимъ въ родной, дорогой сердцу Севастополь. Особенно горестно было ступить на землю Корниловскаго бастіона.

„Горько было на сердцѣ,—пишетъ участникъ войны,—когда я, сотворивъ крестное знаменіе, снова ступилъ на эту землю, облитую кровью моихъ друзей и собратій. Всюду валялись обломки ору-

Угощеніе защитниковъ Севастопо ъ Москвѣ 18 февраля 1856 г.

жія, обрывки амуниціи, туры, фашины. Привидѣніемъ казался мнѣ Малаховъ курганъ. Ноги дрожали, духъ замиралъ. Мнѣ казалось святотатствомъ даже проходить по этому мѣсту. Во многихъ мѣстахъ наружный ровъ кургана обвалился. На мѣстѣ, гдѣ взбѣжалъ на курганъ Макъ-Магонъ, перекинутъ черезъ ровъ мостикъ. По тому мѣсту, гдѣ соединена съ курганомъ „куртина“ и по которому проникли въ курганъ первыя непріятельскія войска, проложена дорога. Мы поѣхали по этой дорогѣ и опять-таки съ крестнымъ знаменіемъ вступили въ лабиринтъ полуосунувшихся траверзовъ, покрывающихъ курганъ. Малаховъ курганъ со стороны Севастополя трудно узнать,—въ такой степени онъ измѣнилъ наружный видъ свой; его прежнія укрѣпленія, нынѣ обращенныя къ нашей сторонѣ, совершенно передѣланы. О, какое ужасное чувство наполняло грудь при этомъ посѣщеніи! Прошлое казалось тягостнымъ сномъ. Давно ли мы сюда прибѣгали на тревогу?..

Давно ли здѣсь распоряжались Нахимовъ, Истоминъ, Хрулевъ?.. Давно ли здѣсь повсюду были видны русскія шинели, звучала родная рѣчь?.. Никто изъ насъ и думать не могъ, что будутъ здѣсь другіе властители и сами явимся здѣсь гостями. Нѣтъ, здѣсь невыносимо тяжело. Скорѣе домой, чтобы не видать французскаго флага на истерзанной башнѣ Истомина, свидѣтельницѣ стольких ъ подвиговъ нашей славы и стольких ъ смертей нашихъ героевъ“...

Посѣщеніе развалинъ Севастополя было еще тягостнѣе для защитниковъ по воспоминаніямъ.

Двинулись въ обратный путь союзники, стараясь съ собою захватить все, особенно англичане.

Пошли и наши полки домой. Наступили дни радостныхъ свиданій тѣхъ счастливцевъ, которые остались въ живыхъ. Но каково было тѣмъ несчастнымъ матерямъ, женамъ, которыя издали смотрѣли на счастье другихъ и сами ры-

дали о далекихъ могилахъ въ Севастополѣ!

Много было этихъ могилъ и не было уголка въ Россіи, гдѣ бы не проливались горькія слезы.

Во всѣхъ городахъ севастопольцамъ устроили торжественныя встрѣчи; встрѣчали съ крестами, съ хлѣбомъ-солью, съ колокольнымъ звономъ. Особенной торжественностью отличалась встрѣча Москвы.

Черноморцы вступили въ Москву черезъ Серпуховскую заставу, разукрашенную флагами, лентами, зеленью.

Еще наканунѣ въ Москву собрались сотни тысячъ народа. Пришли, пріѣхали изъ сосѣднихъ селъ, деревень, изъ всѣхъ ближнихъ городовъ.

Около заставы была толкотня и давка.

Наканунѣ изъ Петербурга пріѣхали морскіе офицеры, чтобы раздавать солдатамъ медали.

Въ восемь часовъ утра показались черноморцы, славные защитники Севастополя. Въ старыхъ, истертыхъ шинеляхъ, съ загрубѣвшими, черными ли-

цами, украшенные медалями и георгіевскими крестами, медленно двигались они, усталые, измученные.

Встрепенулись всѣ русскія сердца при видѣ этихъ родныхъ героевъ. Никто не могъ быть въ эти минуты спокоенъ. Что-то неотразимое влекло всѣхъ къ нимъ, выстрадавшимъ свою лучезарную славу... Хотѣлось пожать ихъ руки, обнять, плакать... Всѣ волновались.

— Голубчики наши родимые! Мученики,—пробѣгало шопотомъ въ толпѣ.

Загремѣло громовое: „Ура! Ура!"

Черноморцы остановились. Впередъ вышли уполномоченные отъ Москвы: Кокоревъ и Мамонтовъ. Они держали на серебряномъ блюдѣ огромный коровай хлѣба *).

Все смолкло. Настала мертвенная тишина. Кокоревъ передалъ хлѣбъ-соль офицерамъ и громко воскликнулъ:

---

*) Такой колоссальной величины, что для того, чтобъ его спечь, пришлось выстроить особую печь.

— Служивые! Благодаримъ васъ за ваши труды, за кровь, которую вы проливали за насъ, въ защиту вѣры православной и родной земли! Примите нашъ земной поклонъ!

Кокоревъ всталъ на колѣни и поклонился въ землю. Мамонтовъ и всѣ сопровождающіе ихъ сдѣлали то же. И весь народъ упалъ на колѣни и кланялся севастопольцамъ.

Восторженно, радостно, шумно и величественно встрѣчала Москва героевъ-защитниковъ. И вся Русь сливалась во единую радость съ первопрестольной и покрывала неувядаемой славой защитниковъ Севастополя.

КОНЕЦЪ.

Дешевыя изданія Т-ва И. Д. Сытина.

Подъ редакціей **Н. В. Тулупова**.

Баранцевичъ, К.

1. **Гусли.—„Не годится“.** Два разск. Ц. 5 к.
2. **Промашка.** Разск. Ц. 5 к.
3. **Простила.** Разск. Ц. 3 к.
4. **Поэтъ.** Разск. Ц. 3 к.
5. **Бабья воля.** Разсказъ. Ц. 3 к.
6. **Околдовала, или ищи оброкъ на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ.** Повѣсть. Ц. 4 к.
7. **Кляча.** Разсказъ Ц. 4 к.

Гольцевъ, В. А.

8. **Что такое подати и для чего ихъ собираютъ.** Ц. 3 к.
9. **Что такое казна и казенныя деньги?** Ц. 3 к.

Дементьева, Н.

10. **Патріархъ Гермогенъ.** Ц. 5 к.

Ефимова, Е.

11. **Царь-Освободитель Александръ II.** Ц. 6 к.

Засодимскій, П.

12. **Весь вѣкъ для другихъ.** Быль. Ц. 3 к.
13. **Дождалась тетка Аксинья.** (Изъ деревенск. лѣтописей.) Ц. 5 к.
14. **Ѳедька Базлаенокъ.** Быль. Ц. 8 к.

Лукашевичъ, Клавдія.

15. **Осада Севастополя.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 5 к.
16. **Севастопольскіе герои.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 3 к.
17. **Первое бомбардированіе Севастополя и смерть Корнилова.** Ц. 3 к.
18. **Вылазки. Матросъ Кошка.** (Изъ обороны Севастополя.) Ц. 3 к.
19. **Гроза надвигается.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 3 к.
20. **Помощь родинѣ.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 5 к.
21. **На бастіонахъ севастопольскихъ.** (Изъ обороны Севастополя.) Ц. 3 к.
22. **Четвертый бастіонъ.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 3 к.
23. **Инкерманское сраженіе.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 3 к.
24. **Два памятныхъ дня.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 5 к.
25. **Тяжелая зима въ Севастополѣ** (Очерки изъ обороныСевастополя.) Ц. 5 к.
26. **Свѣтлый праздникъ въ Севастополѣ.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 5 к.
27. **Малаховъ курганъ.** (Очерки изъ обороны Севастополя.) Ц. 5 к.
28. **Богатыри севастопольскіе. Вице-адмиралъ Корниловъ.** (Краткая біографія.) Ц. 3 к.
29. **Бѣдный родственникъ.** Разск. Ц. 5 к.
30. **Въ глухомъ углу.** Разск. Ц. 4 к.
31. **Другъ несчастныхъ — докторъ Гаазъ.** Ц. 5 к.
32. **Искра Божія.** Повѣсть. Ц. 4 к.
33. **Какъ жилъ В. А. Жуковскій и что онъ писалъ.** Ц. 6 к.
34. **Курскій астрономъ - самоучка Ѳ. А. Семеновъ.** Ц. 5 к.
35. **Къ свѣту.** Повѣсть. Ц. 8 к.
36. **Одинъ изъ многихъ.** Повѣсть. Ц. 3 к.

Нестеровъ.

37. **Лѣсъ.** Разсказъ для взрослыхъ. Ц. 2 к.

Свящ. Петровъ, Г. С.

38. **Другъ прокаженныхъ — отецъ. Даміанъ.** Разсказъ. Ц. 3 к.
39. **Другъ рабовъ.** Разск. Ц. 3 к.
40. **Другъ обездоленныхъ.** Разсказъ. Ц. 3 к.
41. **Дары Артабана.** Разск. Ц. 3 к.
42. **Княжны - подвижницы.** Разск. Ц. 3 к.

Пирожкова, женщина-врачъ.

43. **О беременности, родахъ, и уходѣ за новорожденными.** Общедоступная бесѣда для народа. Ц. 3 к.

Хавкина, Л.

44. **Н. А. Некрасовъ. Его жизнь и сочиненія.** Ц. 5 к.

Хлѣбникова, Р.

45. **Какъ жилъ Н. В. Гоголь и что онъ писалъ.** Ц 2 к.